

ПУТЬ К МУДРОСТИ В ФИЛОСОФИИ АРИСТОТЕЛЯ

1. В философии Платона идеи вносились в связь с математикой. Созерцание идей – есть высшая форма мудрости. Аристотель пытается выиспать понятие мудрости и ее происхождение. Он, тем самым, стремится понять отличие математики от мудрости, которая имеет характер «первой философии». Здесь важно отметить следующее: когда говорят, что первая книга «Метафизики» является ранней, то при этом выпускают из виду, что уже в этой книге упоминается «Этика», которая имеет якобы более позднюю историю. Аристотель здесь пишет: «В “Этике” уже было сказано, в чем разница между искусством, наукой и всем остальным, относящимся к тому же роду...» (Метафизика, I 981b25) В этой же книге имеется ссылка даже на «Физику». Если рассматривать неопределенную терминологию в философии Платона касательно ремесла, науки, мудрости и благоразумия, а затем сравнивать эти понятия с четко продуманной трактовкой их у Аристотеля, то из всего этого нетрудно понять, насколько зрелой является первая книга «Метафизики», которую В. Йегер называет «великолепной импровизацией» (*Jaeger W. Aristoteles. Berlin, 1955. S. 178.*) Уже указанные понятия у Аристотеля проясняются в самом начале.

Каким, согласно Аристотелю, является изначальный феномен мудрости, который присущ любому обычному человеку? Когда речь идет о мудрости, тогда прежде всего следует искать «первопричину» самой мудрости. Мудрость получает свое первоначальное выражение в обычной и повседневной мысли. Аристотель в этой связи говорит: «Все люди от природы стремятся к знанию. Доказательство тому – влечение к чувственным восприятиям: ведь независимо от того, есть от них польза или нет, их ценят ради них самих, и больше всех зрительные восприятия, ибо видение, можно сказать, мы предпочитаем всем остальным восприятиям, не только ради того, чтобы действовать, но и тогда, когда мы не собираемся что-либо делать. И причина этого в том, что зрение больше всех других чувств содействует нашему познанию и обнаруживает много различий [в вещах]» (Метафизика, I 980a25).

Аристотель здесь различает пять различных ступеней мудрости, или знания, присущих обычному человеку: 1) каждому присуще знание общего; 2) каждый имеет опыт, то есть занятие определенным делом; 3) ремесленник работает руками в ориентации на свое умение; 4) архитектор сам не участвует в строительстве, но он хорошо разбирается в строительном искусстве, поэтому его главное дело есть проектирование и размышление о форме того или иного здания; 5) последней ступенью понимания является созерцание, которое уже не зависит от какого-либо полезного дела.

Когда мы различаем эти ступени мудрости, то здесь речь идет о человеческой жизни, об обычном человеческом бытии. Аристотель при этом говорит, в качестве сравнения, и о жизни животных, которые тоже имеют какой-то опыт. «Способностью к чувственным восприятиям животные наделены от природы, а на почве чувственного восприятия у одних не возникает память, а у других возникает. И поэтому животные, обладающие памятью, более сообразительны и более понятливы, нежели те, у которых нет способности помнить... Другие животные пользуются в своей жизни представлениями и воспоминаниями, а опыту причастны мало...» (Метафизика, I 980b25).

II. Созерцание есть пятая ступень реализации мудрости. Это есть такой вид сущности человеческого бытия, которое включает в себе возможность досуга и свободного времени. В этой характеристике мудрости более ясно выражается то о чем, нередко говорил Платон: «Философа же, который постоянно обращается разумом к идее бытия, напротив, нелегко различить из-за ослепительного блеска этой области...» (Софист, 254a). Философ всегда прибывает в состоянии созерцания сущего как такового; причем, созерцая сущее, он говорит о нем, стараясь его понять. Здесь у Платона мы находим теоретическое обоснование мысли, в которой пробуждается научное постижение истины, и которое затем разъясняет Аристотель. Коль скоро речь идет о том, чтобы разграничить понятия мудрости и здравого смысла («софии» и «фронезис»), то нужно, прежде всего, выяснить происхождение самой мудрости. В «Никомаховой этике» Аристотель говорит следующее: «Подразумевается под мудростью нечто иное, как добродетель [т.е. совершенство] искусство (VI7). Мудрость понимается как добродетель, необходимая для человеческого умения и присущего человеку познания истины. Речь идет не просто о человеческом существе, а о самой сущности человеческого бытия. Мудрость есть само понимание, присущее человеку; она есть совершенство, и в силу этого обстоятельства она есть ориентация человека в мире в процессе осуществления себя в окружающем его мире. Вместе с тем Аристотель говорит: мудрость есть «самая точная из наук. А значит...мудрец не только знает [следствия] из принципов, но и обладает [знанием самих] принципов...» (Метафизика, I A16). Если мудрость есть самая точная наука, то, значит, она раскрывает саму суть вещей. Другими словами, она раскрывает вещи не только из их начал, но и такие вещи, которые являются самыми предпочтительными для познания, поскольку они являются вечными.

III. Аристотель в самом начале «Метафизики» говорит: «Все люди от природы стремятся к знанию». Когда речь идет о стремлении, тогда всегда имеют в виду осуществление той или иной человеческой способности, того или иного его желания, присущего самой природе человека. В стремлении к знанию люди наделены восприятием, которое понима-

ется здесь в самом широком смысле. Аристотель говорит: «Доказательство тому – влечение к чувственным восприятиям». Аристотель в первую очередь подчеркивает приоритет созерцания в смысле чувственного созерцания, т.е. сферу «эстетизиса». Он говорит, что зрению мы отдаем предпочтение перед всеми другими органами чувств. Зрению отдается предпочтение, поскольку только с помощью созерцания мы можем узнать о мире как таковом. Ведь «зрение больше всех других чувств содействует нашему познанию и обнаруживает много различий [в вещах]; зрение дает нам самую большую возможность различать вещи во всем их многообразии и среди них ориентироваться. Однако и слух тоже играет важное значение в стремлении человека к мудрости. Ведь слышать себя – есть основное состояние человека, который говорит. Если говорящий может слышать себя, то его собеседник способен его слушать. Если человек способен слушать, то только тогда он может и учиться. Оба чувства, т.е. слух и зрение, если их рассматривать в различных планах, имеют одно преимущество перед всеми другими чувствами: слух предрасполагает к сообщению и к пониманию речи другим человеком; зрение имеет преимущество изначального раскрытия для себя мира, так что зримое всегда можно обсудить в «логосе» или в высказывании приобщить слышимое к своему собственному опыту.

IV. Аристотель далее говорит: «человеческий же род пользуется в своей жизни также искусством и рассуждениями» (Там же. 980b27). Это понимание человеческого бытия показывает, что происхождение мудрости в «Метафизике» совпадает с определением мудрости в «Никомаховой этике». Человек как бы изначально пользуется в своей жизни как искусством, так и рассуждениями. Другими словами, человек располагает в своей жизни более организованной ориентацией в мире, нежели животное. Эта ориентация имеет различные ступени. У некоторых животных недостаточно развито чувственное восприятие, чтобы на его основе могла возникнуть память. Здесь память подразумевает не просто припоминание, а размышление о чем-либо в широком смысле. «И поэтому животные, обладающие памятью, более сообразительны и более понятливы, нежели те, у которых нет способности помнить» (Там же). На основе этой способности припоминания животные имеют особого рода сообразительность, которая позволяет им иметь определенную уверенность в ориентации. Те животные, которые способны слышать, обладают вместе с тем возможностью к обучению; т.е. их можно дрессировать. Память, понимаемая в этом широком смысле, которая есть также и у животных, играет самую важную роль в образовании искусства (техне) как способа ориентации человека в мире. На основе чувственного восприятия и памяти человек способен строить свой опыт.

V. «Появляется опыт у людей благодаря памяти; а именно многие воспоминания об одном и том же предмете приобретают значение одно-

го опыта. И опыт кажется почти одинаковым с наукой и искусством» (Там же. 980b). Опыт у человека наступает благодаря памяти. Этот опыт, если речь идет об одном и том же предмете, обретает характер единого для всех опыта. Главное в опыте – это актуализация определенной связи различных случаев, которые относятся к одному и тому же предмету. Аристотель затем приводит пример опыта из медицины: «Так, например, считать, что Каллио при такой-то болезни помогло такое-то средство, и оно же помогло Сократу и также в отдельности многим, – это дело опыта; а определить, что это средство при такой-то болезни помогает всем таким-то и таким-то людям одного какого-то склада (например, вялым или желчным при сильной лихорадке), – это дело искусства» (Там же. 981a). Если повседневный опыт относительно состояния здоровья для надлежащего самочувствия человека изобретает определенное средство, то сначала эти средства находятся еще вне их влияния на то, что они должны устранить. Приводится лишь некоторый контекст, который следует характеризовать как наличие определенных случаев. Связь этих случаев схематично выражается так: как только имеет место то или иное состояние, тогда нужно применить то или иное средство; «как только это – тогда то». Речь пока не идет о том, что есть определенное состояние, что есть определенное средство и как устраняется нежелательное состояние. Внимание здесь направлено только на то, чтобы устранить тот или иной недуг. Связь имеет временной характер: как только это..., тогда то... Именно эта связь во времени может затем превратиться в опыт. В «Никомаховой этике» Аристотель говорит, что опытность приобретает в течение длительного времени. Только тогда человек уже располагает определенной ориентацией в мире. Опыт, в отличие от любых случайных попыток действия, имеет уже определенную надежность. В опыте выделяется связь: как только это..., тогда необходимо то ... Такого рода связь имеет определяющий характер. Уже в этом виде опыт имеет преимущество перед простым восприятием. В сравнении с множеством восприятий, опыт заключает в себе единство какого-то определенного дела. Опыт заключает в себе возможность заранее направлять поведение, сообразуясь с теми или иными случаями. Опыт уже есть готовность к тем или иным случаям и обстоятельствам, которые еще могут наступить. Эта готовность ведет к способности иметь предвосхищающее мышление. «Действительно, в каждом деле опытные правильно судят о том, что сделано, и соображают, посредством чего и как исполняется [работа] и что к чему подходит. Что же касается неопытных, то они должны быть довольны, если от них не скроется, хорошо сделана работа или плохо, как, скажем, в живописи. (Ник. этика. X,10;1181a). В силу опыта человек способен иметь суждение уже просто по результату того или иного дела. Из такого опыта возникает уже искусство, в смысле «техне». «А наука и искусство возникают у

людей через опыт. Ибо опыт создал искусство..., а неопытность – случай». В опыте возникает вышеуказанная взаимосвязь «если-то». Эта взаимосвязь раскрывается только в тот момент, когда относительно сходных предметов образуется единый и общий взгляд («эйдос»). Аристотель разъясняет: «Появляется же искусство тогда, когда на основе приобретенных на опыте мыслей образуется один общий взгляд на сходные предметы» (там же). В противоположность чисто временным связям, выясняется уже общий вид вещей или «чтойность» вещей. Вместо временной связи «как только это – тогда то» появляется связь «если – то». Слово «если» нередко означает «потому что». Когда мы говорим «потому что», то это означает прежде всего, что в том или ином деле мы должны навести желательный и надлежащий порядок. Речь уже идет о том, что само восприятие, которое в широком смысле означает также и мышление, неотделимо от упорядочивания всего того, что на первый взгляд казалось просто случайным. Теперь понимание в большей мере основывается на том, как то или иное дело выглядит. А не на актуализации взаимосвязи вещей в их временной последовательности. Поэтому Аристотель говорит: «... знание и понимание относятся больше к искусству, чем к опыту, и считаем владеющих каким-то искусством более мудрыми, чем имеющих опыт, ибо мудрость у каждого больше зависит от знания, и это потому, что первые знают причину, а вторые нет».

VI. Новый феномен, который дает возможность рассматривать искусство в противоположность опыту, относится уже к мудрости. Мудрость находится в плане видения и созерцания, а не в плоскости выполнения и действия. Мало того, деятельность в опыте может давать даже лучшие результаты чем в искусстве. «В отношении деятельности опыт... ничем не отличается от искусства; мало того, мы видим, что имеющие опыт преуспевают больше, нежели те, кто обладает отвлеченным знанием, но не имеет опыта. Причина этого в том, что опыт есть знание единичного, а искусство – знание общего, всякое же действие и всякое изготовление относится к единичному» (Метафизика, 981a12-18). Тот, кто располагает опытом, больше преуспевает в успехе, чем тот, кто располагает «логосом». Здесь мудрость означает, что ей нет никакого дела от того, как достигается результат; однако ей есть дело от того, как раскрывается рассматриваемая вещь. Искусство идет вслед за указанной связью «как только – тогда», чтобы получить связь «если – то». В самом искусстве уже зримо раскрывается связь основания и следствия. Все то, что в указанной связи сначала есть причина чего-либо, мотив для чего-либо, все это преобразуется в начало или основание. Другими словами, в самом искусстве уже намечается строгое предначертание мудрости.